НА ГАВАЙИ, ВНУЧЕКУ (ПО ЧЕХОВУ)

Александр Иванов

Константин Макарович, семидесяти трех лет от роду, призванный три дня тому назад из деревни к внуку, Ивану Жукову, в городской особняк для надзора за новейшим электронным Домом и двухлетним сыном (пока вышеозначенный Ванька греется на гавайском солнышке с молодой женой), в ночь под Рождество не ложился спать. Дождавшись момента, когда электронная нянька доложила о завершении процесса засыпания наследника, а система безопасности Дома перешла на ночной режим охраны, он достал из-под кровати свой старенький засаленный ноутбук, включил его и стал писать. Прежде чем стукнуть по первой клавише, он несколько раз пугливо оглянулся на камеры внутреннего наблюдения, перекрестился на мерцающий в углу экран сорокадюймового телевизора и прерывисто вздохнул. Потрясенный происходящим, Универсальный коммуникатор с нескрываемым удивлением взирал на неизвестный ему процесс. Ноутбук лежал на кресле, а дедушка стоял перед ним на коленях.

«Милый внучек, Иванушка! – писал он. – Вот пишу тебе письмо. Поздравляю тебя с Рождеством. Уж три дня, как я у тебя дома. Но моченьки уже нету никакой».

Константин Макарович зажмурился и живо представил себе внучка, окруженного живой природой океанского побережья и доброжелательными туземцами.

Вздохнув раза два, Константин Макарович продолжил писать:

«А вчерась мне была выволочка. Закурил я не к добру около люльки, так система пожарной безопасности вместе с воспитательной системой вышвырнули меня на двор и отметелили чем попало. Хотел я выпить с горя, так твой бар давление мне померил и сказал: «Ноу виски!», и налил безалкогольного пива. Вот гад! Кланяюсь тебе в ножки, отпусти меня отсюда, на деревню, а то помру...

А еды нету никакой. Утром дают кашу, в обед какую-то брюкву, на ужин кефир. А чтоб мяса или хоть курочки – так нет, – небось кухонный робот твой сам трескает. Пробовал я с ним ругаться, так говорит: «Включен диетический режим, для смены режима необходимо произвести авторизацию». Где я ему авторизацию возьму? Скоро вообще есть будет нечего. Холодильник говорит мне: «Сделайте заказ». Я говорю ему: «Жрать хочу». А он, дубовый, не понимает. Хихикает, переливается и просит ввести пин. Пин, пин... Пинок ему, а не пин.

Пробовал я в зимнем саду грибы собирать... Что сделал со мной твой электронный садовник – не буду писать. Хотел по подвалам пошарить, так говорят: «Доступ ограничен».

Внученька, милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Приезжай скорее, отпусти меня отсюда.

Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. Что сапогов, – с одежей ваще плохо. В ванне твоей кинул шмотки в корыто. А оно забулькотело, зачавкало и давай гудеть. Где теперича одежу брать-то? Сапоги тоже сгинули где-то.

Поговорить не с кем, кроме дуболомов твоих электронных. Разве токмо с гувернером полнопроводниковым в слова поиграть. Да только выигрывает он всегда. А козла забивать он не умеет.

Соседей не видать совсем. Забор высокий. Лазать на него я не стал. Ученый я уже.

Так и сижу – телевизор смотрю. Плохо совсем. Там или ужасы, или новости – етить их – еще ужаснее.

Все, а то застукают. Остаюсь твой дед Константин Макарович, милый внучек, приезжай».

Закончив писать, подумав немного, он написал адрес:

Hawaii Ivan Zhukoff

Потом почесался, подумал и прибавил:

@mail.ru

Ловко открутив заднюю стенку у Коммуникатора, дедушка нашел кабель, напоминавший телефонный, зачистил его и, придерживая пальцами провода модема, зачарованно следил за процедурой отправки...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидел внучек и вслух читал письмо туземкам. Возле печки, помахивая хвостом, бегал дельфин на четырех ногах...